

СОДЕРЖАНИЕ

Почему мы еще надеемся?	9
Мусорщик в рассветных сумерках	31
Далекий разговор	51
Вина Пандоры	73
Жулики-трюкачи	107
Долгое дыхание	143
Чувство возможности	177
<i>Библиография</i>	203

It's like fight, fight
keep going, keep going.
Hope and dreams
are like no, maybe not*.

*Бристоль, 2023 г.
Написано на зеркале
красной помадой*

Если имеешь свое «почему» жизни, то поймешь почти со всяkim «как». Человек не стремится к счастью; к нему стремится только англичанин.

*Фридрих Ницше.
Сумерки идолов.
Изречения и стрелы, 12 ***

* «Борись, борись, продолжай, продолжай. Надежды и мечты — нет, наверное, нет». — Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

** Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М.: Культурная революция, 2009. — Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ecce homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер.

Почему мы еще надеемся?

Прошел целый день, и вот я наконец могу сесть и написать тебе письмо. Твой вопрос не выходил у меня из головы. Во всей этой суматохе я задолжал тебе ответ. Сейчас я снова в дороге, жизнь сводится к содержимому сумки, некоторым адресам и номерам в телефоне: отели, встречи, контакты. И вот мысли снова зашевелились, заняли пространство, из которого их обычно гонят.

Итак, возвращаясь к твоему вопросу: почему мы еще надеемся? Можно ли вообще на что-то надеяться в такие времена?

Как же мне ответить? Ты страшишься того, чего и надо страшиться: перемен, которые выходят за рамки человеческих представлений. Мы живем в эпоху, когда старый порядок разрушен, а новый еще не возник и, возможно, возникнет еще не скоро. Каждое поколение считает себя уникальным, полагая, что именно его ждет конец света и апокалипсис, те или иные пророки всегда предвидели нечто подобное — но на этот раз все правда.

Так неужели разговоры людей о надежде — всего-навсего назидательная болтовня? Винтик великого иллюзионного аппарата, утешение для болванов? Ну что за идиот побежит за какой-то надеждой, за мыслию, что все как-нибудь утрясется и все страшные пророчества можно игнорировать, ведь спасительная технология уже на пороге? Разве не глупо полагать, что нам хоть и стоит задумываться, но не стоит отчаиваться, поскольку мы прогрессивные и предприимчивые, всегда находили решение и...

В какой-то момент я сбился со счета, как часто перед моими докладами (о том, какое значение для будущего демократий и либеральных обществ имеют климатический кризис, потеря биоразнообразия и искусственный интеллект) меня просяли рассказать уже что-нибудь оптимистичное, хотя бы закончить на обнадеживающей ноте, а не в миноре. Как будто меня пригласили, чтобы я гарантировал всем светлое будущее. Похоже, в общении друг с другом мы чувствуем себя обязанными проявлять оптимизм и, даже сталкиваясь с ужасающими новостями, искать добро в худе. Ну расскажи что-нибудь ласковое и любезное. Подари им надежду!

Разговоры о надежде вполне в духе нынешней повестки. У многих вся карьера строится на рассказе о том, что, вообще-то, все становится лучше, человечество хорошее, все показатели идут вверх

и — в зависимости от политических взглядов — солидарность и ответственность, или инновации и дерегулирование, или возрождение нации скоро, очень скоро принесут спасение. Экономический рост, технический прогресс, мировая солидарность и нравственное сознание наконец-то преодолеют кризис.

Это хромающее представление о некоем вечном блаженстве — второй завар христианской идеи, что история движется к цели, к искуплению, к Небесному Иерусалиму. Мы унаследовали эту христианскую идею и теперь называем ее прогрессом. Все беспрестанно становится лучше и лучше.

К этому праву на оптимизм прилагается мнимая претензия на счастье. В наши дни многие люди полагают, что у них есть право на жизнь в благополучии и безопасности. Историческое представление о хорошей жизни сводится к правам потребителя. Эти люди живут с концепцией безопасности и бронежилетом, с гарантшей, законом о возврате, кредитным планом, защитой прав потребителей, нормативами, лицензированием и обязательной сертификацией. Любое разочарование может вылиться в жалобу, иск и обвинительный приговор.

Надежда как гарантия, светлое будущее как право потребителя?

Да, это вздор. Словесный мусор, моральная политика умиротворения. Но именно это люди

и хотят слышать. И платят за это хорошие деньги. Психологи и коучи предписывают нам быть оптимистами и думать позитивно, религии предлагают свободное от страхов пространство и избавление от смерти, бизнес-тренеры, консультанты по управлению и разработчики приложений для медитации неплохо зарабатывают на подобных фразах. Люди этого хотят. Существует рынок, а значит, есть и продукты, удовлетворяющие подобный запрос. (Кстати, существует спрос и на предвестников конца света, но этот рынок рухнул бы без огромного оптимистичного нарратива, который могут обрабатывать пессимисты.)

И вот люди объединяются, чтобы ничего не видеть, не беспокоиться, отстаивать собственную позицию и не слушать тех, кто надрывает глотку. И если в итоге приходит хорошая новость, избавление, спасительная идея, глубокое озарение о человеческой природе, новая технология или эволюция, то мы понимаем, что в конце истории все протагонисты (или, по крайней мере, важнейшие протагонисты) справились с испытанием и остались целыми и невредимыми. Некоторые из них сбились с верного пути и висели на волоске, один-два (а если они от нас достаточно далеко, то и миллионы) пали жертвой обстоятельств, но в целом порядок восстановлен, все может идти по-прежнему, Одиссей вернулся домой.

Если тебя устраивает такое объяснение, то дальше мое письмо можешь не читать. Но я знаю, что такое объяснение тебя не устроит, иначе ты бы не завел этот разговор. Я не удивился, когда ты со мной заговорил. После докладов ко мне часто подходят люди твоего возраста и почти всегда задают один и тот же вопрос в различных вариациях, как будто я знаю ответ, а именно: «Есть ли еще посреди всей этой лжи надежда?» Удивился я, лишь когда ты вернулся на следующий день, чтобы задать новые вопросы. Должен признать, мне нечего возразить на твою дружелюбную настойчивость. Ты спросил меня о надежде, и тебя не удовлетворили стандартный ответ и банальные формулировки. Я тогда спешил на следующую встречу, поэтому задолжал тебе достойный ответ.

Меня обрадовала твоя находчивая идея оставить мне адрес электронной почты, и с тех пор меня не отпускали эти вопросы. У меня пока нет для тебя ответа, но я уже собрался в путь, и часть его мы можем пройти вместе, если ты пожелаешь, — пусть и лишь в письменной форме.

Но в сторону риторику. Возможна ли вообще надежда в современном мире? Не будет ли циничным требовать от себя и от других изображать на лице счастливые эмоции и разглагольствовать о надежде на фоне всеобщего краха? Неужели это все, на что мы способны?

Но если ты упорно не желаешь быть частью этого заговора неведения и задаешься вопросом, какими будут следующие десятилетия, то ответ, полученный с помощью лучших научных моделей, станет весьма отрезвляющим. Если ты смотришь на будущее с глубоким беспокойством и тебе страшно, то ты абсолютно прав.

Коротко говоря, мы, человечество, находимся в тройном экзистенциальном кризисе, который дробится на бесчисленное множество более мелких, переплетенных между собой. Три взаимосвязанные ветви этого кризиса — глобальное потепление, потеря биоразнообразия и риски, связанные с цифровизацией и искусственным интеллектом. Каждая из этих ветвей способна нанести серьезный ущерб: уничтожить или по крайней мере сократить большую часть жизни на этой планете. Каждая уже сегодня приобрела огромные масштабы и имеет неисчислимые, невообразимые последствия.

Вот они, наши всадники Апокалипсиса.

Повышение температуры на три градуса (а именно к этому все и идет) может вынудить большую часть человечества бежать из родных домов, способно вызвать разрушительные войны за землю и воду, изменить береговые линии, климатические системы и направления океани-

ческих течений, превратить огромные участки суши в степи и спровоцировать выброс метана в огромных количествах. Повышение температуры способно вызвать коллапс глобальной экономики и современных государств, не говоря уже о пагубном влиянии на живые организмы и целые экосистемы, которые ввиду отсутствия времени на адаптацию обречены на крах, так как цепочки видов исчезнут, оставляя глубокие бреши в сети жизни. Вместе с участвующими природными катаклизмами и экстремальными погодными условиями одно это уже стало бы своего рода апокалипсисом. (Конечно, планета вновь обретет равновесие, жизнь приспособится к изменившимся условиям — но для нас будет слишком поздно.)

То, что происходит с разнообразием видов, и скорость этого коллапса вызывают не меньший ужас. Мало того, что ежедневно вымирают сотни уникальных организмов, которые человек даже не успел открыть, — стремительное изменение и ухудшение сред обитания приводят к исчезновению ключевых видов, на которых держатся целые экосистемы. В некоторых регионах Европы из-за пестицидов и монокультур уже исчезло 80% насекомых. В случае деградации почвы или водных ресурсов восстановление либо занимает очень много времени, либо вовсе невозможно. Микропластик не только достиг дна океана, но и уже

обнаруживается в человеческом мозге и грудном молоке. Каждую минуту исчезают площади тропического леса, равные тридцати футбольным полям, и миллион тонн арктического морского льда (да-да, именно так, каждую минуту).

Цифровизация и искусственный интеллект — две разные, но взаимосвязанные силы. И то и другое таит в себе возможности и опасности, которые мы пока даже не можем оценить. В одной лишь биологии сфера применения ИИ варьируется от разработки персонализированных методов лечения на основе генетического профиля пациента до создания новейшего биологического оружия. Искусственный интеллект и цифровизация имеют и другие последствия. Так, например, западные общества в ближайшие десятилетия могут столкнуться с ликвидацией рабочих мест для человека. Многое изменится в нашем существовании и политическом балансе сил. Как людям жить? И какое вообще место мы занимаем в полностью цифровизированном мире? Сможем ли мы под постоянным воздействием стимулов, захватывающих наше внимание с экранов, не допустить собственного превращения в некомпетентных нарциссов, которые деградируют в пузыре из персонализированных новостей и алгоритмических соцсетей? Как будет функционировать демократия? Кто станет принимать решения?

Как мы можем отличить правду от вымысла, а машину от человека, если ИИ все лучше стирает отличия? Когда искусственный интеллект догонит и перегонит человеческий? Уж не создаем ли мы своими руками силу, которая сделает нас ненужными? Возможно, ты знаешь балладу Гете об ученике чародея. Студия Уолта Диснея рассказала ее в виде мультфильма* (тщательная прорисовка вручную и классическое музыкальное сопровождение). Хозяин ушел, а подмастерью нужно выполнить работу по дому, так что он оживляет метлу, ведро и тряпки. Они делают за него всю работу, но отказываются подчиняться отменяющему заклинанию и не перестают носить воду и тереть пол. Начинается потоп, и подмастерье в отчаянии («Вызвал я без знанья / духов к нам во двор / и забыл чуранье, / как им дать отпор!»**) вынужден позвать на помощь чародея, который одним заклинанием приводит все в порядок. У меня отчетливое ощущение, что мы все — этот ученик. Но только у нас нет чародея, которого можно позвать на помощь. Ницше сказал бы: «Мы его убили».

Потепление климата, разрушение экосистем, загрязнение океанов, потеря биоразнообразия,

* «Фантазия» (англ. *Fantasia*) — классический полнометражный мультипликационный фильм, созданный компанией Уолта Диснея и впервые показанный 13 ноября 1940 года.

** Пер. с нем. Б. Пастернака.

бум искусственного интеллекта и цифровизации всех сфер жизни — и на этом фоне за нашими границами идут старомодные убийственные войны, в которые мы вовлечены уже давно и которые грозят разрастись. Огромные потоки беженцев, бессильные государства, передающие рынку все больше демократических полномочий. Мы рубим сук, на котором сидим, и при этом поем веселую песенку.

Обычно такое поведение не считается умным, но мы-то умны. Мы даже разрабатываем научные модели, которые точно предсказывают наше будущее при условии, что мы продолжим жить как прежде, и мы продолжаем жить как прежде, а модели невероятно умные и удивительно часто оказываются правы. А даже если и ошибаются, то из-за того, что были слишком упрощенными или консервативными, тогда как развитие событий ускорилось из-за взаимодействия и симбиоза различных факторов.

«Входящие, оставьте упованья»*. Кажется, «Ад» Данте стал нашим будущим. Общества, которые я знаю и в которых живу, то есть преимущественно европейские, уже давно привыкли бояться будущего словно вируса.

* Алигьери Д. Божественная комедия. Новая жизнь. — М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2022. В виде крылатого выражения на русском языке популярен вариант «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Будущее в наших широтах больше нельзя считать само собой разумеющимся, как это, возможно, было еще 100 лет назад. Тогда миллионы людей верили, что идеологии раз и навсегда помогут решить все мировые проблемы. Да, будет битва, причем кровавая, но в итоге победят арийцы, господствующая раса, рабочий класс, пролетариат, христианство, ислам, империя, рынок. Люди всерьез полагали, что именно в этот момент будут решены все экзистенциальные проблемы. Если болезни можно победить с помощью прививок, то так же можно преодолеть голод и нищету, а значит, мир наконец-то полностью подчинится человеческому контролю и управлению.

Во времена таких ожиданий было очень легко надеяться. Но мы уже не живем в эпоху наивной веры в будущее. Последние два столетия показали, что глупые надежды и вера в неправильные вещи ведут к катастрофам. Пожалуй, самые жестокие и кровавые периоды истории — результат самых пылких надежд. Миллионы людей, которые надеялись на победу господствующей расы, единственной истинной религии, империи или диктатуры пролетариата и были готовы ради этого пойти по трупам, по ужасному количеству трупов, выставляют надежду в сомнительном свете. Надежда всегда имеет моральную составляющую, поскольку связана

с представлениями о хорошей жизни, а моральные представления имеют свойство меняться. Они могут исчезнуть или превратиться в свою противоположность так же быстро, как то или иное состояние или любой человек в сталинской России.

Надежда, как показывает практика, — это здорово и хорошо, но те, кто надеется и верит в неправильные вещи, становятся соучастниками пыток и массовых убийств, нравится им это или нет. И нельзя потом оправдывать себя тем, что идеология, эта коллективная история, казалась правильной или что ты ничего не знал, что тебе ничего не сказали. Когда речь идет о насилии, о смертельном насилии, нельзя списывать все на свои ощущения.

Несколько лет назад я брал интервью на радио у пожилой переводчицы русской литературы, приятной женщины, которой было уже под 80. Ее отец был австрийским коммунистом, и, когда в 1930-е годы на его родине шли гонения на коммунистов, всю семью пригласили в Москву и поселили в знаменитой гостинице «Люкс», где жили все почетные гости из-за рубежа. И где Сталин мог за ними приглядывать.

Переводчица рассказала о своем детстве в этом странном месте, где колossalный идеализм и надежда на лучший мир смешивались со страхом перед тайной полицией и внезапными

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru